

Глава 5

Антиалкогольная кампания

Есть в мировом политическом лексиконе такое понятие, как «сто дней». Откуда идет это название, мне трудно сказать. В свое время Наполеону довелось вторично править во Франции именно в течение такого срока. Или это сто первых дней правления Президента США Ф. Д. Рузвельта? Не оттуда ли? Сегодня все понимают это, как начальные сто дней правления лидера государства, когда ему дают возможность более или менее спокойно сделать свои первые шаги в новом качестве. В этот «льготный» период народ присматривается к своему избраннику, а средства массовой информации щадят его. Естественно, он и сам старается показать себя с лучшей стороны, завоевать уважение людей, закрепить в общественном сознании свой политический и человеческий образ.

Не избежал этого и Горбачев. В его жизни было два раза по «сто дней» — в середине 85-го и 90-го годов. В первом случае — в роли Генсека ЦК, во втором — Президента страны. Я только что писал о его триумфальных появлениях в Ленинграде, на Украине. Не скрою, что уже в то время у меня появились первые нотки сомнения относительно таких упорительных поездок и встреч Генерального секретаря везде и со всеми, поскольку все это, раздуваемое средствами массовой информации, смахивало на прежние времена, когда во имя укрепления авторитета вождя начиналось неумное его восхваление. Но сомнения заглушались трезвым внутренним чувством — это, дескать, необходимо для главы государства в первые месяцы пребывания его у власти.

Да и была, прямо скажу, в стране даже какая-то эйфория от таких поездок: люди видели в лидере энергичного, а не немощного человека, с трудом и не очень грамотно читав-

шего по бумажке. С языческих ли времен, с многовекового ли царствования самодержцев, с десятилетий ли правления вождя «всех времен и народов» в нашем сознании крепко сидит мысль о том, что народу всегда нужен царь-батюшка или кто-то другой, наделенный царской властью. Его название зависит от общественного строя, от уровня массового сознания. Иногда мне кажется, что культ — поклонение, почитание языческих богов — из седой древности дошел до наших дней и превратился в культ личности отдельных людей. Здесь же хочу подчеркнуть то, что обожествление царей и их современных аналогов уж больно крепко в нас сидит.

Так было не только в 30-е и 40-е годы со Сталиным, но и с борцом против культа личности «нашим дорогим Никитой Сергеевичем», так было и с «дорогим Леонидом Ильичом». Их культ создавался медленно, постепенно. Делали это «верхи», а подхватывали «низы». Так уж повелось у нас, что очередная «личность» возвеличивалась прежде всего через критику предыдущего руководителя, противопоставление ему. И теперь уже надолго, наверное, вошли в историю характеристики разных периодов жизни страны, неразрывно связанные с именами соответствующих лидеров: «культ личности» Сталина, «волюнтаризм» Хрущева, «застой» Брежнева, «перестройка» Горбачева, возможно, будет и эпоха «смуты» Ельцина.

Но что касается Горбачева, он не мог ждать, когда созреет народное признание его, когда его имя войдет в историю. Ему нужен был авторитет сегодня, сейчас, немедленно. Создание авторитета, по логике его поступков, надо брать в руки. В свои. После ленинградской и украинской поездок было получено указание готовить поездку в Сибирь — в Тюменскую область.

В один из дней, после окончания заседания Секретариата, которое проводил уже Лигачев, он, я и Лукьянов остались для обсуждения некоторых текущих вопросов. Анатолий Иванович Лукьянов в то время был заведующим Общим отделом, влиятельным человеком в аппарате ЦК. В беседе мы невольно вышли на вопрос о поездках Генсека. Для нас уже было ясно, что слишком частые поездки и выступления начинают девальвироваться, обесцениваться. Уже достаточно много наговорено, число розданных обещаний подошло к критическому, когда, взятые вместе, они становятся невыполнимыми. Надо было переварить уже намеченное и создать условия для его реализации.

Свое мнение мы решили высказать Генсеку после его очередной поездки и поговорить с ним по-товарищески. Через несколько дней во вполне уважительной форме мы высказали ему свои соображения. Реакция была бурной:

— Вы не понимаете, что время требует немедленных перемен! Об этом надо говорить постоянно. Я не приемлю ваши сомнения!

Мы поняли, что уже наступило опьянение властью и первыми ростками популярности. Единая рабочая упряжка стала распадаться на рысаков и рабочих лошадей. Я, естественно, оказался во второй группе, о чем и сейчас не жалею.

Но «сто дней» требовали сделать для людей что-то полезное, доброе, которое было бы положительно оценено народом и показало благородные цели нового руководства страны. В один из весенних дней 85 года Горбачев пригласил меня, тогда еще Секретаря ЦК по экономике, и моего первого заместителя по Экономическому отделу Бориса Ивановича Гостева. На встрече обсуждался вопрос о том, что можно сделать сейчас для людей, чем располагает страна?

После долгого обсуждения остановились на том, что в области финансов можно пойти только на увеличение минимальных пенсий. В ближайшие дни этот вопрос был проработан с Правительством и вынесен на рассмотрение Политбюро. Такое решение было хорошо воспринято населением, особенно — пожилыми людьми, которые давно ушли на пенсию, когда заработная плата большинства из них была очень невысокой. Среди многих откликов я вспоминаю и письмо моей, ныне покойной, тещи, в котором она с большим удовлетворением писала о повышении ее пенсии.

На этом совещании у Горбачева наш Экономический отдел предложил существенно изменить положение с развитием коллективного садоводства и огородничества. Тяга населения к этому была большая, горожане стремились на природу, где отдых сочетается с работой и некоторым материальным подспорьем. Но все это было обставлено многочисленными инструкциями, положениями и даже постановлениями ЦК и Совмина, регламентирующими каждый, даже небольшой, шаг городского владельца клочка земли. Опять то же, что и во многих других делах и сферах жизни: «низы» хотели, «верхи» не пускали.

На мой взгляд, никаких веских причин для торможения этого естественного стремления людей не было. Земля?

Грешно нам на это жаловаться, да и неугодий, которые можно превратить трудом и старанием в плодородные участки, хватит на несколько поколений. Дороги? Их и так нет, но здесь поможет государство, да и сами садоводы не будут сидеть сложа руки. Строительные материалы? Да, их не хватало. Но развитие садоводства и огородничества и подтолкнет их производство. Правда, некоторые руководители сельского хозяйства в качестве возражения приводили довод, что, мол, селу материалов не хватает, а горожанам-де подавай фактически второе жилье. С этим доводом приходилось считаться, но ведь в руках государства были рычаги управления в области увеличения ресурсов.

Однако самое главное препятствие, на мой взгляд, имело идеологический характер. Появится, говорили, класс собственников, расцветет мещанская психология. Я помню еще по уральским своим временам, как сносились бульдозером дачные домики, а у руководителей-коммунистов отбирали партийные билеты за такой «страшный» грех.

Все это трудно понять разумному человеку, и чтобы читатель мог иметь представление о степени различных ограничений, я позволю себе привести один из пунктов постановления Правительства. Документ был принят в декабре 84 года, то есть, всего за полгода до нашего обсуждения этой проблемы у Горбачева:

«На земельных участках, выделенных в коллективном саду членам садоводческих товариществ, могут возводиться только одноэтажные летние садовые домики с отапливаемым твердым топливом помещением общей площадью до 25 кв. метров, неотапливаемой террасой (верандой) площадью до 10 кв. метров и неотапливаемой мансардой сверх указанных размеров площадью до 15 кв. метров, погреб площадью до 8 кв. метров, хозяйственные строения общей площадью до 15 кв. метров (для содержания кроликов и домашней птицы, хранения хозяйственного инвентаря), включая душ и туалет, а также неотапливаемая теплица площадью до 15 кв. метров для выращивания овощных и других сельскохозяйственных культур. При этом высота помещений (от пола до потолка) летнего садового домика не должна превышать 2,5 метра, хозяйственных строений — 2,2 метра, погреба — 1,9 метра, а общая высота (от уровня земли до конька крыши) летнего садового домика не должна превышать 6,5 метра и хозяйственных строений — 3 метров».

Принятое же после нашего совещания решение по развитию коллективного садоводства и огородничества сняло

многие ограничения и дало мощный толчок этому делу. Если в 85 году в стране было 6 миллионов садовых участков, то через четыре года их стало вдвое больше.

Опыт массового садоводчества позволил нам уже в 87 году принять постановление Правительства о расширении индивидуального строительства на селе и в городе. Это также благотворно сказалось на решении жилищной проблемы. Увы, сейчас массовая индивидуальная застройка на селе прекратилась. Правда, в связи с огромным материальным расслоением общества растут под Москвой, да и не только там, как грибы, дома-дворцы, которые свысока смотрят на простой люд. Современные нувориши бравируют ими, а высокопоставленные чиновники всячески открещиваются от владения своими хоромами, оформляя их на близких родственников. Ведь не докажешь, что дома стоимостью в полмиллиона и более долларов строятся на зарплату...

На первом этапе перестройки было множество принципиальных решений по самым разным вопросам внутренней жизни страны. Многие из них положительно сказались на народном хозяйстве и вообще на обстановке в обществе, некоторые дали толчок для дальнейших преобразований. Но, к сожалению, принимались и такие «исторические» решения, которые оставили свой горький след на десятилетия вперед. К их числу надо отнести антиалкогольную кампанию. О ней до сих пор пишут и вспоминают ее в основном недобрым словом. Да и поделом!

Надо полагать, что Горбачев в то время не только со мной обсуждал свои «сто дней». Наряду с вопросами, о которых я только что рассказал, в ЦК весной 85 года стали активно готовить предложения по борьбе с пьянством и алкоголизмом. На первый взгляд плохого в этом ничего не было.

Страна и впрямь спивалась. Пили везде. До работы. После работы. Вместо работы. В обкомах и райкомах. На стройках и в цехах. В конторах и дома. Везде. Когда я был начальником цеха на Уралмаше, в середине 50-х годов, ко мне, помню, примчался взволнованный мастер и сообщил, что в каком-то инструментальном ящике нашли пустую бутылку из-под водки. Шум поднялся, собрание, ЧП! Давно это произошло... А в описываемом 85-м вряд ли на том же родном Уралмаше был инструментальный ящик без пустой или полной водочной бутылки.

К 85 году уровень потребления алкоголя на душу насе-

ления у нас поднялся намного выше всех допустимых пределов. По данным Всемирной Организации Здравоохранения, ситуация в той или иной стране становится опасной, когда потребление алкоголя превышает 8 литров в год на человека. В России в 94 году этот уровень был превышен в два раза и продолжает расти.

Алкоголизм не принес пользы ни одному народу, ни одному государству. Он ведет к росту смертности и является одной из причин того, что сегодня средняя продолжительность жизни мужчин у нас всего 57 лет. Число смертей от алкоголизма вдвое превысило европейские показатели! Еще Лев Толстой писал: алкоголь губит не только душу человека, но и его потомство. У алкоголиков рождаются неполноценные дети, идет деградация общества, снижается интеллектуальный потенциал страны. Действительно, вдумайтесь в статистику: одна треть алкоголиков начала пить, не достигнув и 10 лет, а две трети — 16 лет! На почве алкоголизма кончают жизнь самоубийством более 80 тысяч человек в год, то есть в пять раз больше, чем погибло за всю афганскую войну.

Так что оснований для беспокойства и принятия мер по прекращению роста алкоголизма было (да и остается) более чем достаточно. По поручению Генсека в ЦК этим вопросом занимались Е. К. Лигачев и М. С. Соломенцев. Следует напомнить, что еще при Брежневе была создана комиссия по борьбе с пьянством во главе с Арвидом Яновичем Пельше. Но работала она не активно — то ли ее мудрый председатель был сильно болен, то ли не находил нужных решений этой сложнейшей проблемы. После его смерти комиссия автоматически перешла к новому председателю Комитета Партийного Контроля Соломенцеву. Впрочем, и она до прихода на пост Генсека Горбачева тоже практически не работала.

Тандем же Лигачев — Соломенцев развернул бурную деятельность. Были срочно подготовлены проекты постановлений. На одной из стадий их рассмотрения с ними были ознакомлены Секретарь ЦК И. В. Капитонов, я и Б. И. Гостев. И мы втроем дружно заявили на совещании, проходившем под председательством Соломенцева, что это не тот путь борьбы с пьянством, что он носит сугубо административно-запретительный характер. Мы высказали мнение, что эту огромную и многофакторную социальную проблему надо решать по-иному. Каково же было наше недоумение и даже изумление, когда Соломенцев изрек:

— Пока водка будет стоять на прилавках магазинов, ее будут пить!

Наши ссылки на отрицательные результаты введения сухого закона в некоторых странах остались без внимания. Было такое ощущение, что авторы разработанной концепции — великие трезвенники, а оппоненты — пьющие люди...

В общем, когда окончательный проект постановления был вынесен на Секретариат, а вел его Горбачев, — я работал еще Секретарем ЦК, — у меня волосы дыбом встали. Да и не у одного меня. Главная линия постановления так и осталась прежней — принудительное сокращение производства любых алкогольных напитков, даже невинное пиво в список попало. Более того, было расписано по годам пятилетки, когда сколько алкогольных напитков производить и когда все производство свести практически к нулю. Причем этот пункт в опубликованный в мае документ не вошел — остался секретным.

Я снова стал возражать. Сказал, что путь, предложенный товарищами Лигачевым и Соломенцевым, считаю тупиковым, напомнил еще раз, что страну ведут напрямик к принятию «сухого закона», который, как известно из новейшей истории, никогда и нигде ни к чему толковому не привел, что следует ожидать резкого увеличения самогонварения, поскольку сахар дешев, а значит, он станет исчезать из торговли, и рано или поздно придется ввести на него талоны.

Как известно, в нашей стране любая кампания превращается в фарс, и было ясно: мы придем к тому, что будут не только производство водки сворачивать, но даже и винодельческие, и пивные заводы закрывать... Резко я говорил — и что с того? Хотите встречные аргументы? Рыжков не понимает важности момента. Он не чувствует, что время требует поступков, а не разговоров. Не осознает ситуации, когда нравственную атмосферу в стране надо спасать любыми методами. Николай Иванович печется об экономике, а не о морали. Ну, еще что-то накидали, всего не упомяну. Горбачев тогда активно поддержал борцов с пьянством, его сильно беспокоила «нравственная атмосфера»...

Через несколько дней состоялось заседание Политбюро, на котором обсуждался этот вопрос. На нем заговорила «тяжелая артиллерия» — члены ПБ. Н. А. Тихонов и его первый заместитель Г. А. Алиев делали попытки доказать недопустимость такого обвального снижения производства спиртных напитков. Хотели они также отстоять пиво. Не

тут-то было! Новый Генсек и его ближайшие соратники по антиалкогольной кампании, используя моральный подъем вокруг нового лидера, стояли насмерть. В результате с мая по сентябрь 85 года появилась серия постановлений ЦК и Совмина СССР, указов Президиума Верховного Совета СССР и РСФСР.

Эти документы объединяла плохо понятая правильная, в принципе, идея: трезвость — закон нашей жизни. Ведь сколько-нибудь серьезно даже не был поставлен вопрос об экономических и социальных корнях растущего пьянства, не возникло никаких соображений о том, что и как нужно менять в обществе для того, чтобы человек нашел в нем свое место, чтобы его рабочее время приносило ему удовлетворение трудом, творчеством и результатами, а свободное — проходило в нормальных бытовых условиях и было наполнено духовными ценностями в самом широком смысле этого слова. Нет, все пошло по линии самой примитивной — административных запретов и голословной, трескучей, давно набившей всем оскомину пропаганды.

Я с уважением отношусь к Е. К. Лигачеву, ценю его порядочность, честность и принципиальность. Но это была его большая политическая ошибка, сильнейший удар по перестройке. Целеустремленность и напористость Егора Кузьмича были использованы во вред общему делу, а жесткие административно-запретительные меры погубили решение одной из важных проблем страны. Такой упрощенный, грубый подход к делу привел к огромным моральным издержкам и материальным потерям.

Насильственное, можно сказать, снижение потребления спиртных напитков сопровождалось ростом наркомании и токсикомании. «Зоны трезвости» соседствовали с огромными очередями, драками и проклятиями у винных магазинов. Возьмем Москву. Здесь активно проводил кампанию по закрытию винных «точек» ныне покойный В. В. Гришин, а затем все это попало в руки тогдашнего Первого секретаря МГК КПСС Ельцина. Он благополучно и завершил это дело. Кроме всеобщего озлобления такое рвение ничего вызвать не могло.

Сильнейший удар антиалкогольная кампания обрушила на виноградарство и виноделие. Проводимая еще до 85 года политика замещения крепких спиртных напитков вином и пивом к тому времени уже стала давать первые результаты. За тридцать лет, начиная с 1955 года, площади под виноградниками возросли в три раза и достигли 1,4 миллиона

гектаров. А тут под флагом борьбы с пьянством пошло наступление на виноградники и винозаводы. За три года, с 85-го по 88-й, площади виноградников в стране сократились почти на одну треть, чего не было даже в Великую Отечественную войну, когда мы потеряли 22 процента их. Закрыли и перепрофилировали почти 1000 винозаводов.

Я уже говорил, что при подготовке постановления и при его обсуждении неоднократно ставился вопрос о нецелесообразности отнесения пива к алкогольным напиткам. Но победить триумvirат Горбачев—Лигачев—Соломенцев было невозможно. И было пущено на металлолом оборудование около двух десятков импортных заводов по производству пива. Закрывались действующие пивзаводы, хотя душевое потребление его в 85 году составило всего лишь 24 литра, что в несколько раз меньше, чем в странах Европы.

Иногда дело доходило до абсурда, трудно объяснимого с точки зрения нормальной логики. Еще в бытность Г. А. Алиева моим первым заместителем мне надо было как-то срочно посоветоваться с ним по одному вопросу. По внутренней селекторной связи я попросил его зайти ко мне. В ответ он извинился и попросил разрешения зайти позднее, после проводившегося им в тот момент совещания. Через полчаса он пришел, и я поинтересовался, что за срочные проблемы он обсуждал. И каково же было мое изумление, когда он сказал, что по поручению ЦК рассматривалось, является ли кефир (!) алкогольным напитком или нет.

На мое резкое замечание, что надо заниматься серьезными вопросами, а не чепухой, он сказал:

— Я понимаю сам, что это глупость. Но что делать — есть поручение ЦК, и его отделы не дают мне покоя. Кстати, это уже второе поручение по этому вопросу.

Дать такое указание Алиеву, а он был членом Политбюро, мог только Горбачев или «второй» секретарь. Вот так идея оздоровления общества превращалась в фарс. Поистине, Бог долго ждет, но больно бьет, и бьет по разуму людей, обладающих большой властью в государстве.

Особую тревогу вызывало самогоноварение, получившее широкое распространение во всех регионах и проникшее во все социальные группы и слои населения. Массовое изготовление сивухи во многом компенсировало сокращение продажи винно-водочных изделий. По ориентировочным подсчетам, объем изготовленного в 87 году самогона достиг 3,2 литра абсолютного алкоголя на душу населения. В этот же год государственной торговлей было продано спиртного

на 5,1 литра меньше, чем в 84 году. Трудно оценить экономический ущерб от самогонварения. Многие миллиарды рублей, ранее поступавшие в госбюджет, ныне фактически стали доходом самогонщиков. В незаконный промысел оказались вовлечены большие массы людей не только в деревне, но и в городе. В 87 году в связи с этим привлечено к ответственности полмиллиона человек, что впятеро больше, чем в 85 году.

Летом 88-го обстановка с продажей алкогольных напитков была накалена до предела. Давление со стороны Комитета Партийного Контроля при ЦК КПСС не ослабевало. Ежемесячные разборы с приглашением первых секретарей обкомов партии и министров СССР заканчивались разносом и многочисленными партийными взысканиями. Все это гнало волну из Центра непосредственно на места. Но ситуация только ухудшалась. Очереди штурмовали немногие сохранившиеся винные магазины, дешевого одеколона не стало, химических реактивов и лекарств на спирту тоже. Пошли перебои с сахаром. Наступило время истерического самостязания.

Мои многократные устные обращения к Горбачеву с просьбой рассмотреть создавшееся положение в стране оставались без внимания. Он соглашался со мной, что надо вносить коррективы, обещал собрать Политбюро по этому поводу, но проходило время — и все оставалось по-старому. Я чувствовал, что с ним кто-то серьезно «работал».

В августе 88-го полным ходом шла подготовка плана на будущий год. Надо было определиться окончательно, что делать. В работе Секретариата и Политбюро ЦК было одно хорошее правило: если член Секретариата или ПБ официально настаивает на том, чтобы заслушать его, то Генсек обязан был или договориться с ним по этому вопросу в рабочем порядке, или поставить в повестку дня заседания. Я решил использовать такую возможность и предложил рассмотреть вопрос на ПБ.

По моему поручению союзные министры — торговли К. З. Терех и здравоохранения Е. И. Чазов направили в Совет Министров свои записки. Приведу основные положения одной из них. Министр торговли представил ее на мое имя 6 сентября 88 года. В ней, в частности, говорилось:

«Политбюро ЦК КПСС на заседании, состоявшемся 4 июля 1988 года, особое внимание обратило на необходимость ликвидации такого широко распространившегося явления, как очереди, на которые только в торговле теряется

свободное время населения, исчисляемое десятками миллиардов часов в год, порождая при этом различные злоупотребления и морально-политические издержки, а также нездоровое настроение среди трудящихся.

Анализ показывает, что за последние три года в торговле очереди возросли более чем наполовину из-за резкого сокращения продажи алкогольных напитков...

В соответствии с постановлением Совета Министров СССР, принятым 7 мая 1985 года, производство ликероводочных изделий должно ежегодно сокращаться на 30 млн. дал, вина виноградного — на 20 млн. дал, а плодово-ягодных вин — полностью прекращено с 1988 года. При этом каких-либо ограничений по сокращению производства и продажи пива этим постановлением не предусматривалось.

После принятия постановления, уже во втором полугодии 1985 года, число магазинов по продаже алкогольных напитков в целом по стране сократилось на 55 процентов (было 238 тыс., осталось 108 тыс.)...

По решениям ряда обл(край)исполкомов (РСФСР. — *Авт.*) сеть магазинов по продаже алкогольных напитков была сокращена еще в больших размерах. В Астраханской области, например, число этих магазинов уменьшилось с 118 до 5 единиц, в Белгородской — со 160 до 15, в Ульяновской — со 176 до 26, в Ставропольском крае — с 571 до 49 единиц.

По инициативе ряда областей и районов РСФСР, Украинской ССР, Казахской ССР, Киргизской ССР, Молдавской ССР были созданы «зоны трезвости», в которых торговля спиртными напитками была прекращена полностью.

Сеть предприятий общественного питания, в которых осуществлялась реализация алкогольных напитков, уменьшена на 71 процент, а в Азербайджанской, Молдавской, Киргизской и Таджикской союзных республиках — на 75—90 процентов.

Со второй половины 1986 года повсеместно резко возросла реализация сахара, кондитерских изделий, фруктовых соков, томатной пасты и некоторых других продовольственных товаров на самогоноварение. Продажа сахара, например, в 1987 году составила 9280 тыс. тонн и по сравнению с 1985 годом увеличилась на 1430 тыс. тонн или на 18 процентов и в настоящее время почти повсеместно осуществляется по талонам.

По данным Госкомстата СССР, в 1987 году на самогоноварение израсходовано 1,4 млн. тонн сахара, что примерно

равно 140—150 млн. дал самогона и практически компенсировало сокращение продажи водки и ликеро-водочных изделий...

Следует особо подчеркнуть, что за последнее время резко возросла покупка спиртосодержащих и других препаратов бытового назначения (одеколонов, зубной пасты, клеев, кремов для обуви) для использования не по прямому назначению...

Резкое сокращение производства и продажи спиртных напитков привело также к значительному росту антиобщественных и других негативных явлений...

Таковы некоторые выдержки из записки министра торговли К. З. Тереха. Далее в ней содержались конкретные предложения в связи с задачами ликвидации очередей при продаже алкогольных напитков и исключения других негативных явлений.

Не менее убедительной была и записка министра здравоохранения СССР.

7 сентября, то есть на следующий день после получения этих документов, я написал официальное письмо в Политбюро с просьбой рассмотреть эту проблему. Уже 8-го, в четверг, вопрос обсуждался на ПБ.

За пять лет работы в Политбюро я участвовал в различных заседаниях — и в спокойных, и острых, и смешных. Но это заседание не подходило не под одну из таких характеристик. Горбачев поставил внесенный мной вопрос последним в повестке дня, надеясь, по-видимому, что к концу заседания все устанут и он будет скомкан. Но все произошло по-иному. В своем сообщении-докладе я потребовал прекратить бездумную антиалкогольную кампанию, которая провалилась из-за недопустимого администрирования, перестать выламывать руки руководителям различного ранга в КПК, покончить с наказанием работников в связи с ней. Говорил, что людям нанесен моральный ущерб, а экономике большой вред и что Совмин больше не позволит вмешиваться в объемы производства и продажи алкогольных напитков.

Мою позицию твердо и жестко защищали В. И. Воротников, Л. Н. Зайков, Н. Н. Слюньков, В. П. Никонов. Мы буквально обрушились с беспощадной критикой на «активистов» проводимой антиалкогольной кампании, настаивали на немедленном прекращении издевательств над народом и местными руководителями. Не забуду выступление ныне покойного Виктора Петровича Никонова. Он в гнев бросал

обвинения в адрес сидевших напротив нас Лигачева и Соломенцева за развал виноградарства.

Лигачев и Соломенцев яростно защищали свои позиции, в свою очередь обвиняя нас в отходе от принятых партийей решений. Сидящие за длинным столом заседаний ПБ четко разделялись на два лагеря. Обсуждение перешло в крик и откровенную ругань, в личные выпады. Наших оппонентов прямо-таки била дрожь, казалось, вот-вот за грудки начнут хватать. Было, по традиции, и молчаливое «болото». Но Горбачеву не оставалось ничего иного, как поддержать большинство.

В субботу, 10 сентября 88 года, состоялось заседание Совета Министров СССР, на котором рассматривался проект плана на 1989 год. Естественно, там была затронута и алкогольная, или, если угодно, антиалкогольная тема. Я проинформировал Правительство о решении Политбюро, и Совет Министров поручил определить реальные потребности страны в алкогольных напитках и обеспечить их производство. Так в этот день была закончена трехгодичная «историческая» антиалкогольная кампания. В истории же она останется, подобно сухому закону 30-х годов в США.

Но впереди были еще годы, в течение которых предстояло привести все предприятия в должный порядок. Разрушения оказались слишком большими, и поэтому справиться в одночасье с километровыми очередями и организовать нормальную торговлю было невозможно. Кампания капитально ударила по финансам. Несмотря на повышение цен на спиртное, государственный бюджет не мог компенсировать потери.

Приведу цифры. По плану 1985 года, принятому, естественно, до антиалкогольных постановлений, от реализации алкогольных напитков намечалось получить 60 млрд. рублей прибыли. После принятия решений было получено в 86-м — 38 млрд., в 87-м — 35, а в 88-м, в связи с отменой антиалкогольной кампании, — чуть побольше 40. Итого за три года экономика недосчиталась по крайней мере 67 млрд., а нравственный урон подсчитать и вообще невозможно.

Наступление на пьянство захлебнулось. Каковы же все-таки причины провала крайне нужных для народа мер по борьбе с этим коварным и беспощадным злом? Главная причина состоит в том, что не было четкой, научно-обоснованной, комплексной программы. Под воздействием государства оказались не корешки, а вершки, другими сло-

вами — не причины и условия, способствующие возникновению пьянства и алкоголизма, а их результаты. Отсюда и во многом разрозненность, несогласованность, односторонность действий, использование преимущественно административно-запретительных методов решения вопроса. Произошло искусственное вычленение пьянства из сложной совокупности социальных связей и явлений.

Выдвинутая в документах партии вполне благая конечная цель — вытеснить пьянство из жизни нашего общества — фактически подменялась задачей полного прекращения потребления спиртных напитков. Это была серьезная ошибка: смешение пьянства как антиобщественного явления с традиционно умеренным потреблением алкоголя. Трагедия кампании состояла в стремлении форсировать выполнение по существу долгосрочной программы. В этом проявился характер Горбачева и Лигачева — решать вопросы немедленно и быстро, не считаясь с реальными возможностями.

Определенную негативную роль сыграли и шумная пропаганда и экстремизм в трезвенническом движении. Все поддались радикальной, но нереальной идее: в ближайшие годы прекратить производство и продажу спиртных напитков, ввести запрет на употребление алкоголя.

Перегибы, кампанейщина нанесли большой вред подлинному утверждению трезвости в стране. Они вызвали отрицательную реакцию со стороны населения, общество не готово было полностью отказаться от алкоголя в силу психологических, культурно-нравственных, социально-бытовых причин. По существу, под лозунгом суровой борьбы с пьянством была дискредитирована вся антиалкогольная работа.

Я не был инициатором этой кампании, но она происходила при мне. Не хочу и не могу говорить от имени всех, причастных к ней. А вот что касается меня самого, то я вижу свою вину в том, что долго мирился с этой трагикомедией. И все то, о чем я честно рассказал в этой главе, отдаю на суд читателей.

Казалось бы, нынешние руководители страны должны были сделать выводы из ошибок прошлого — ведь проблема остается, и ее нельзя недооценивать. Но когда появился Указ Президента России о производстве спиртных напитков, стало совершенно ясно, что взят четкий курс на спаивание народа: водку стали делать все кому не лень — слишком уж большой соблазн. Получив государственную лицензию можно было гнать водку из чего угодно и кому угодно. И неудивительно, что каждый день появляется информация

о новых и новых, нередко массовых отравлениях низкокачественными напитками отечественного и зарубежного производства. Исторический опыт показывает, что как только водка вырывается из-под государственного контроля, начинаются всевозможные неустройства во внутренней политике, перекосы в экономике, ухудшение здоровья людей. Незря первой государственной монополии на Руси исполнилось уже более половины тысячелетия.

В конце XIX века министр финансов Витте, осуществлявший четвертую в истории Руси водочную монополию, начал строительство нескольких сот казенных винных заводов. Ставилась задача упорядочить выпуск «зеленого змия» и, естественно, укрепить финансы государства. Многие из этих предприятий, сохранившиеся до нашего времени, «попали под нож» в годы бездарной антиалкогольной кампании.

Ее авторов, ярых приверженцев сухого закона, вдохновило то, что он был введен в России в годы Первой мировой войны, что Временное правительство обязалось продлить его «на вечные времена», и что после Октябрьской революции большевики его тоже подтвердили. Правда, через шесть лет он был отменен.

Проблема осталась. Она стучится в окно. Но если в антиалкогольной кампании, при всех ее перекосах и глупостях, была хотя бы правильная, вполне благородная конечная цель, то сейчас ее нет и в помине. Киоски и магазины забиты импортными напитками, в то время как склады отечественных заводов заполнены готовой продукцией. Спирт везут с Запада, свой сливают в канализацию. Это уже политика — убрать любое, даже элементарное государственное регулирование. Рушатся национальные устои, подрывается генофонд населения страны.

Сегодня самый относительно дешевый товар среди продуктов питания — это водка. Народ сливается. Если нынешние руководители действительно думают о нем, они просто обязаны разработать программу «отрезвления» людей. Но у меня в этом отношении большие сомнения. Ведь пьяным народом гораздо легче управлять. К тому же на этом фоне вечно пьяный руководитель — «свой». Но жизнь заставит вновь обратиться к этой проблеме, и пусть горький опыт антиалкогольной кампании 85—88 годов избавит от ошибок тех, кто по-умному возьмется за это жизненно важное для страны дело.

Но вернемся в осень 85 года. Горбачев предложил мне

подумать о должности Председателя Совета Министров СССР — вместо уходящего на пенсию Тихонова.

Такая идея показалась мне серьезной и многообещающей. Может, на этом посту удастся лучше, сильнее противостоять лихому растаскиванию экономики по действительным и надуманным приоритетам? Ведь над планом пятилетки еще работали полным ходом, распутывая его сложный клубок. До XXVII съезда партии оставалось полгода, и я надеялся, что можно успеть определить перспективы развития страны с реалистических позиций. И, конечно, я думал, что на этом посту удастся воплотить в жизнь те идеи, которые разрабатывались в ЦК моей командой.

Я подумал и согласился, хотя и знал, на что иду.